

Научная статья
УДК 304.2
<https://doi.org/10.63973/1998-6785/2026-1/123-131>

Турист меморативного ландшафта: "новый паломник" или "уставший урбанист"?

Людмила Борисовна Зубанова
Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия, milazubanova@gmail.com

Аннотация. В современной культуре особую роль играют меморативные ландшафты – места коллективной памяти и исторической связи времён. На материалах социологической диагностики (эмпирические исследования, осуществленные в ходе 5 полевых экспедиций) исследуется меморативный ландшафт Аркаима – археологического памятника и природно-культурного заповедника на территории Южного Урала. Обобщаются мотивы, виды активности, специфика материальной и символической объективации идентичности и типы современных туристов.

Ключевые слова: региональные меморативные ландшафты, память, Аркаим, турист, идентичность

Исследование выполнено в рамках гранта РФФ № 23–18–20098 (региональный конкурс Челябинской области), проект: "Материализованная идентичность: конструирование памяти в социально-экономической перспективе (на примере археологического памятника Аркаим)".

Для цитирования: Зубанова Л. Б. Турист меморативного ландшафта: "новый паломник" или "уставший урбанист"? *Ойкумена. Регионоведческие исследования.* 2026. Т. 20, № 1. С. 123–131.
<https://doi.org/10.63973/1998-6785/2026-1/123-131>

Original article
<https://doi.org/10.63973/1998-6785/2026-1/123-131>

Tourist of the Memorial Landscape: "New Pilgrim" or "Weary Urbanite"?

Ludmila B. Zubanova
Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia, milazubanova@gmail.com

Abstract. In contemporary culture, memorial landscapes – sites of collective memory and historical continuity – play a significant role. Based on sociological diagnostics (empirical research conducted through five field expeditions), this study examines the regional memorial landscape of Arkaim, an archaeological site and a natural-cultural reserve in the Southern Urals. It synthesizes the motivations, types of activities, the specifics of material and symbolic expressions of identity, and the profiles of modern tourists.

Key words: regional memorial landscapes, memory, Arkaim, tourist, identity

The research was conducted within the framework of the RSF grant No. 23-18-20098 (regional competition of the Chelyabinsk Oblast), project: "Materialized Identity: Constructing Memory in a Socio-Economic Perspective (Case Study of the Archaeological Site Arkaim)."

For citation: Zubanova L. B. Tourist of the Memorial Landscape: "New Pilgrim" or "Weary Urbanite"? *Ojkumena. Regional Researches.* 2026. Vol. 20, No. 1. P. 123–131. <https://doi.org/10.63973/1998-6785/2026-1/123-131>

Введение

Проблематика памяти и образы прошлого, несмотря на свою отдалённость (временную дистанцию), осуществляют постоянный процесс "пересборки" идентичности современного человека в режиме реального времени. Как отмечал М. Хальбвакс [26], прошлое следует рассматривать как социально конструируемый феномен, содержание которого детерминировано актуальным контекстом и запросами потребителя. Современный человек ищет надежный фундамент в неопределённости "текущей современности" [4] настоящего. Коллективная идентичность во многом конструируется через символическое маркирование мест, определяемых французским историком П. Нора "местами памяти" – значимыми для сообществ формами существования "коммеморативного сознания" [18, с. 26]. В концепции П. Нора "места памяти" несут предельно широкое толкование, не подразумевающее исключительно предметной или территориальной определённости объекта (архивы, воспоминания, памятные события и даты, фигуры исторических деятелей и другое). Однако территориальная фиксация "мест памяти" возможна при обращении к меморативным ландшафтам – проекциям историко-культурных ландшафтов, значимым основанием анализа которых, по мысли исследователей [5], выступает именно пространственная локализация.

Меморативные ландшафты (характерным примером которых выступают археологические памятники) рассматриваются в том числе как дестинации в системе культурно-познавательного туризма или "туризма впечатлений", реализуя запрос на аутентичность "экзистенциального путешествия" [23, с. 110–111]. Конкурентоспособность туристской дестинации в современной культуре оценивается по критерию креативности [7], а потому столь значим ресурс уникальности и подлинности, с которым ассоциируются культурно-исторические объекты.

В. Л. Каганский и Г. В. Лютикова анализируют феномен "глубинного туризма" как возможность "погружения в ландшафт" и "глубокое переживание места", обеспечивающее посетителю обретение духовных смыслов [14, с. 14]. Запрос на подобный духовный поиск нередко связывается с посещением особых "святых мест". Как подчеркивает А. Н. Кривошеин, во многих современных обществах массовый туризм служит замещением религиозности, в то время как в России он в большей мере ею подпитывается [16, с. 199–200]. Практики "паломнического туризма" [2] активно реализуются именно в освоении меморативных ландшафтов, за которыми спонтанно и произвольно закрепляются образы "сакрального центра", "святого места", "места силы" [30]. Меморативные ландшафты превращаются таким образом в "оспариваемую территорию" [10], в отношении которой ведется символическая борьба за присвоение смысла в трактовке места – его официальной концепции и складывающегося имиджа среди широкой аудитории. Посетители меморативных ландшафтов при этом остаются во многом "невидимой группой" [10, с. 49], чьи мотивы, запросы, ожидания и творческий потенциал освоения "места памяти" – не в полной мере осмыслены исследователями.

Цель настоящей статьи – осуществить социокультурное портретирование посетителей меморативного ландшафта (на примере археологического памятника "Аркаим") на основе фиксации их социально-демографических характеристик и артикулируемых мотивов обращения к "месту памяти".

Методология, материал и методы исследования

Методологические основания исследования формируются:

- дискурсом Memory Studies (А. Ассман, Я. Ассман, П. Нора, М. Хальбвакс) – конструированием образов прошлого, связью культурной памяти и идентичности сообществ;
- концептуализацией мемориальных ландшафтов как части Cultural Landscape Studies – культурного ландшафтоведения [5; 13], ареальной парадигмы пространственной идентичности [12];
- теоретическими и эмпирическими исследованиями меморативных ландшафтов и конкретно Аркаима как "оспариваемой территории" [10], "спонтанной иеротопии" [22] и конструируемого (в восприятии отдельных групп аудитории) "места силы" [30].

В качестве меморативного ландшафта (материал исследования) в данной статье рассматривается кейс Аркаима, позиционируемый в общественном сознании через многообразие смысловых интерпретаций в силу следующих объективных и субъективных факторов.

Прежде всего, речь в действительности идёт об уникальном историческом памятнике. Аркаим (открытый в 1987 г. во время археологических обследований на территории Челябинской области) был отнесён исследователями к поселению бронзового века (период XXI–XVIII вв. до н. э.) синташтинской культуры или "Страны городов". Эта историческая ценность меморативного ландшафта даёт посетителю возможность идентификации с историческим наследием прошлого. Во-вторых, характер обследованного учёными места свидетельствует о высоком развитии культуры раннегородского типа: продуманный план поселения с чёткой градостроительной идеей, архитектурой и фортификацией, процветающие ремесла и т. п. Признанием ценности этого "культурного бэкграунда" можно считать неоднократно воспроизводимую исследователями ассоциативную связь Аркаима с популярными памятниками мировой культуры, например – со Стоунхенджем [8; 29].

В-третьих, значимым фактором туристической привлекательности выступает разнообразие природного окружения меморативного ландшафта: холмисто-равнинный рельеф так называемой "Аркаимской долины", сочетание

лесостепной и степной зон, наличие реки Большая Караганка, придающей особую живописность месту.

В-четвертых, речь идёт о наличии музейной инфраструктуры с развитой системой экскурсионного и культурно-событийного предложения: музеефицированный раскоп, археологические памятники-поселения (точная копия родовой усыпальницы кочевников "Курган Темир", реконструкция сооружений энеолитического поселения "Жилища Каменного века", этнографический музей "Усадьба Оренбургского казака", Аркаимская ветряная мельница и другие), государственный Музей природы и человека (постоянная экспозиция артефактов материальной и духовной культуры племён и народов, населяющих территорию в разные исторические периоды); скульптурные группы, арт-объекты и художественные инсталляции; насыщенная программа культурно-событийных мероприятий (фестивали, конкурсы, выступления ролевиков-реконструкторов, фольклорных коллективов, артистов и т. д.). Виртуальная экскурсия музея Аркаим, позволяющая визуализировать пространство ландшафта, размещена по адресу: <https://arkaim-center.ru/sites/default/files/3D/index.html>).

Но, конечно, особую роль играет "мистический шлейф" места, сформированный как объективными обстоятельствами драматичной судьбы Аркаима (угроза уничтожения в результате принятого решения о затоплении, гражданская активность по спасению памятника), традиционным романтическим ореолом восприятия археологии (раскопки, открытия, захоронения), так и субъективными представлениями об "энергетике" и "духовной силе" данного места. Этот эзотерический образ "места силы" исследователь Е. К. Созина связывает с "баснословным прошлым топоса" и "мифом о первоителях – первопредах-ариях" [21, с. 83–84].

Превращению "места памяти" в "место силы", как воплощённого варианта "спонтанной иеротопии" – стихийной сакрализации мест, обладающих, по представлениям участников этой деятельности, сверхъестественными свойствами [22, с. 659] – способствовало посещение Аркаима астрологом и эзотериком Тамарой Глобой, а также мистическая трактовка его происхождения, продвигаемая в фильме "Аркаим. Стоящий у Солнца" (2008 г.) по сценарию известного писателя-сатирика М. Задорнова. Как отмечает В. А. Шнирельман: "С тех пор, как Аркаим был объявлен наследием солнцепоклонников-ариев, вокруг него создалась атмосфера таинственности, и он был признан местом скопления мистических сил. Там возник центр мощного религиозного культа и туда хлынул нескончаемый поток туристов, среди которых видное место заняли последователи учения Рерихов, "арийские астрологи", эзотерики, экстрасенсы, ясновидящие, колдуны, шаманы, народные целители, неоязычники, кришнаиты, шиваиты, огнепоклонники, последователи различных школ магии, а также уфологи, муллы и просто люди, жаждущие исцеления от изматывающих недугов. Сегодня многие из туристов стремятся на Аркаим вовсе не для осмотра места раскопок и посещения музея. Ими движут иные желания, связанные с участием в ритуальной деятельности, общением с Высшими силами, получением консультаций у народных целителей, магов и экстрасенсов, обучением у астрологов, приобщением к древней "египетской мудрости", оздоровительными процедурами путём медитаций и получения живительной энергии из Космоса и пр." [30, с. 27].

Тем не менее, эта вариативность и даже оппозиционность смысловых интерпретаций Аркаима (столкновение научных и эзотерических воззрений, специализированных и профанных версий его происхождения) выступает, скорее, основанием коммуникативной гибкости места как культурной гетеротопии (от "heterotopia" М. Фуко) – территории, открытой для реализации разнообразных запросов именно вследствие "совмещения несовместимого в едином пространственном локусе" [25, с. 199].

Социологическая диагностика (сбор и анализ этнографических данных на территории музея-заповедника Аркаим) осуществлялась автором в составе коллаборативной исследовательской группы в ходе 5 экспедиций в 2023–2024 гг. Информация о туристах была получена в результате применения опросных методов (стандартизированные интервью с элементами нарративной беседы) и прямого наблюдения за посетителями. Были опрошены 443 респондента, репрезентирующие портрет типичного посетителя Аркаима.

Отсутствие точных данных о генеральной совокупности (в музее-заповеднике не ведется учёт посетителей, размещение туристов также не носит централизованного характера) корректировалось включённым наблюдением за наиболее посещаемыми локациями мемориального пространства, что позволило составить социально-демографический профиль, моделирующий состав туристического потока. Итогом полевой работы стала сформированная база данных, содержащая ответы туристов по ключевым исследовательским вопросам.

Результаты исследования

Прежде всего, очертим социально-демографические характеристики туристов, посетивших в фиксируемый исследовательский период музей-заповедник Аркаим. Гендерное распределение указывает на доминирование посетителей-женщин (71%); наиболее заметный возрастной диапазон опрошенных: 25–44 года (39,6%) и 45–59 лет (35%). Подобный демографический профиль в целом соответствует типичной целевой аудитории российских туристов [28, с. 9]. Как отмечает Я. С. Иващенко, представившая на основе комплекса методов (интервью, анализ тематических социальных сетей и сайтов в период с 2016 по 2022 гг.) обобщённый социально-демографический портрет российского неоязычника [11, с. 220] – группы, которую можно оценивать в некотором процентном совпадении с посетителями меморативных ландшафтов, устойчивый диапазон от 25 до 45 лет (медиана 30+) является наиболее характерным для данного аудиторного сегмента.

География туристического потока подтверждает универсальный характер восприятия Аркаима как значимого общекультурного памятника, не сводимого лишь к региональной достопримечательности. Подтверждением этой позиции выступает распределение ответов опрошенных на вопрос о месте их проживания. Так, 35% посетителей – живут в Челябинской области, а 65% – в иных регионах России (Свердловская область, Оренбургская область, Пермский край, Краснодарский край, Башкортостан, Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий автономный округ, жители Москвы и Московской области). Преимущественно, речь идёт именно о жителях городов (76% опрошенных).

В этой связи интересен распределение ответов на вопрос о каналах информирования посетителей, которые построены почти исключительно на неформальной коммуникации: "рассказали друзья, знакомые" (70%). Не столь существенное участие традиционных способов информационного продвижения памятника (СМИ – 7%; социальные сети – 11%; туристические агентства, экскурсоводы – 9%; сайт музея-заповедника Аркаим – 2%) косвенно может свидетельствовать как о недостаточной эффективности применяемых стратегий продвижения, так и о воспроизводимой самими туристами потребности вовлечения людей в знакомство с данным местом.

По мнению М. В. Загидуллиной, подробно проанализировавшей специфику освоения меморативного ландшафта как коммуникативной практики, объяснением здесь может выступать как нацеленность на поддержание "легендарного фона" места, так и следствие "спирали молчания" – стигматизации темы "мистического Аркаима" в официальных источниках и СМИ [9, с. 95]. В случае Аркаима эта неформальная самозамкнутость контактов может проявляться и как намеренно используемая селективная стратегия поиска условных "посвящённых" или "своих". Так, например, в устных контактах с посетителями меморативного ландшафта с заметной регулярностью артикулировались подобные представления: "Аркаим не пускает плохих людей", "Аркаим всегда выбирает своего человека" и т. п.

При выявлении мотивационных стимулов, определяющих ключевую установку присутствия человека в данном меморативном пространстве, самыми популярными ответами стали (допускалась возможность выбора нескольких вариантов): "почувствовать энергию места, его духовную силу" (58%), "Аркаим привлекает своей природой, степным ландшафтом" (39,7%), "это возможность окунуться в мир прошлого, ощутить связь с предками" (35,7%), "это возможность оказаться на месте археологических раскопок, посетить музейный комплекс" (34,5%). Устойчивость полученных результатов подтверждалась дублирующим вопросом о субъективной ценности меморативного ландшафта для человека (драматургия интервью допускала возможность конкретизации отдельных положений через смысловые рефрены). При ответе

на данный вопрос лидирующими оказывались аналогичные позиции: "напитаться целительной энергией, духом и силой места" (53,7%), "прикоснуться к истории человечества, понять свое прошлое" (52,4%), "здать себе вопросы о смысле жизни, понять себя" (36%), "побывать на природе, увидеть степь" (31,4%).

На основе полученных результатов, с достаточной долей условности (неизбежной при сведении субъективных личностных смыслов к усредненным и обобщенным значениям) можно говорить о стратегиях духовно-экзистенциального и эко-гуманистического поиска, образно фиксируемых в типах "нового паломника" и "уставшего урбаниста". Примечательно, что указанные типы, несмотря на содержательное разделение (религиозная практика и пресыщенность урбанистическим давлением), демонстрируют слияния по ряду мотивационных стимулов и стратегиям освоения ландшафта.

Паломничество как своего рода путь к сакральному, выход в пространство подлинного проживания и духовного опыта, как отмечают исследователи, рассматривающие самостоятельный вид паломничества к "местам силы", выражается сегодня в существенном расширении объектов поклонения, многообразии мотивации (где религиозный мотив не обязательно фигурирует в качестве ведущего), общей "доктринальной эклектике" религиозно-мировоззренческих позиций [6, с. 56–57].

Эта эклектичность духовно-религиозных исканий предстает как сплав представлений (то, что К. М. Королев обозначает "эмпбиент-религиозностью" [15, с. 131]) о подлинности бытия и собственном месте в нём. Современные исследователи постнеоязычества отмечают существенные трансформации направлений и воззрений представителей данных групп, пониженную ценность религиозного в его сущностном прочтении, акцентирование функционального значения веры [17, с. 244].

Специфика материальной объективации идентичности "нового паломника" воплощается в различных действенных формах: использовании камней для создания сооружений, имитирующих мегалитические конструкции в миниатюре, ритуалах завязывания лент ("Дерево желаний") и организации импровизированных "жертвенных алтарей" (оставленные предметы, монеты, зёрна), конструировании кругов-лабиринтов из камней на вершинах гор (и последующее групповое или индивидуальное хождение по спирали), участии в коллективных духовных практиках (хороводах, плясках под шаманский бубен или варган) и другое.

При переходе к нарративным сценариям интервью (финальная часть стандартизированного опросника, дающая респонденту возможность высказаться в свободном формате, рассказать о личных историях) была заметна потребность информантов в мифологизации персонального опыта присутствия на Аркаиме. Примерами этого становились рассказы об излечении от болезней и бесплодия, решении давно мучавшего вопроса, переходах в новое состояние жизни (от повышения профессиональных компетенций до своеобразных мировоззренческих инициаций), происшествиях, случившихся в данном пространстве, наделении объектов и предметов вторичными функциями ("приносит счастье", "защищает от сглаза"), приобретении особых личностных качеств в результате духовных практик ("научился", "открыл в себе", "впервые увидел и почувствовал" и другие). В целом для типа "нового паломника" характерны гибкость ритуального самовыражения (свободно комбинируемые или произвольно создаваемые ритуалы и практики), демонстрируемая толерантность в отношении различных групп посетителей, внешне олицетворяющих принадлежность к неканоническим религиозным верованиям и течениям (используемая атрибутика, одежда, украшения). Я. С. Иващенко подчеркивает приоритет ценности свободы от рамок социального в мотивации современных неоязычников: "Понятие "живое" в этой теме используется в значении "непосредственного" и в аспекте структуры и содержания ритуальной практики: это не опосредованная объектами и субъектами коммуникация со сверхъестественным миром, а личное обращение к нему с помощью слова и действия..." [11, с. 223–224].

Вопросы подлинного и неподлинного бытия решаются не только в плоскости экзистенциальных поисков, но проецируются через сопоставление урбанистической (неподлинной) и природной (естественной, подлинной) среды

существования современного человека. Усталость от урбанистического как доминирующий мотивационный стимул туриста меморативного ландшафта видится в артикулированной значимости и мифологизации окружающих природных объектов, потребности согласовывать собственные действия с естественными ритмами природы (встреча рассвета) как воплощённой практики возвращения к живому человеческому началу на фоне галопирующих темпов развития техногенной цивилизации. Так, при ответах на вопросы о предпочтительных видах активности, чаще всего фигурировали позиции: "совершить восхождение на горы, находящиеся на территории Аркаима" (70,9%), "возможность встретить восход солнца в степи" (48,5%). Разумеется, само нахождение в меморативном пространстве как месте памяти проявлялось в популярности ответа "посещение музейных комплексов" (49,9%). Однако, при этом практически невостребованной с точки зрения субъективной ценности, символического или материального освоения являются, например, художественные элементы (скульптурные группы, арт-объекты и инсталляции), возводимые на территории музея-заповедника (6,3%). Вполне возможно, что и вокруг них со временем возникнет то, что Э. Хобсбаум определял как "изобретённая традиция" [27], однако в настоящее время они, скорее, символизируют чуждый элемент городского стиля в природном ландшафте.

Запрос на гармонию с природным началом как стратегия контрурбанизации или "новой сельскости", по мысли К. М. Королева, воплощён в нарративе, сочетающем: "...идеи здорового образа жизни ("деревенское" равно "натуральное" равно "полезное"), национального самосознания ("корни") и близости к природе" [15, с. 125]. Здесь можно говорить о неоднократно фиксируемой исследователями отчуждённости и ограниченности "морального участия" как негативных последствий урбанистической культуры [1, с. 14], атомизации и "бытовом изоляционизме", затрудняющих эффективные горизонтальные коммуникации между горожанами, стремящимися к социальности (желание находиться в окружении других людей, не детерминированное объективной функциональной необходимостью) и субъектности (желание влиять на внешние обстоятельства, ощущать причастность событийному) [20, с. 97]. В стремлении "уставшего урбаниста" оказаться внутри меморативного ландшафта могут сходиться, казалось бы, противоположные ощущения исчерпанности символического ресурса "городского воображаемого" [24] и перенасыщенность городского текста устойчиво воспроизводимыми маркерами креативного, динамичного, инновационного, событийного, обобщённо фиксируемого исследователями в концепте "интересное": "К ключевым проблемам современных городов, чрезмерно насыщающихся интересным, можно отнести всё отчётливее проявляющуюся культурологическую и эстетическую невосприимчивость к интересному, которое подменяется компонентами массовой культуры. Под ее натиском у горожан отмирает способность восприятия и различения эстетически подлинного и значимого от искусственно надуманного, упрощенного и/или китчевого ряда для достижения "эффекта ради эффекта", приносящего огромные финансовые доходы" [3, с. 697]. Речь в данном случае не идёт лишь о мистических озарениях или иных проявлениях, лежащих в плоскости иррационального, но вполне может трактоваться как запрос на духовное или психологическое обновление в логике компенсаторного механизма возрождения антропологических начал в техногенном давлении цивилизации.

Заключение

Осуществленный анализ позволяет говорить о ценности меморативного ландшафта в реализации туристического запроса: несмотря на то, что памятник расположен в труднодоступном для посещения месте (добраться можно лишь на специальном транспорте, нет налаженной системы перевозок), отмечается стабильный интерес аудитории к его посещению (при широкой географии туристического потока). Посетители, отмечающие как разовый, так и многократный характер посещения Аркаима, демонстрируют целый спектр мотивов нахождения в пространстве меморативного ландшафта: преодоление рутинной повседневности урбанистического пейзажа, поиск мировоззренческой опоры в ситуациях неопределённости, компенсация и эмоциональный "выход" в давящей техногенной реальности, возможность обретения чувства духовной свободы, не вполне удовлетворяемого со стороны традиционных ин-

ституций. Эта "необычность присутствия" (то, что М. Элиаде определял как "иерофанья" – "вторжение священного", обнаруживающего себя через особые знаки [31, с. 25]), позволяющая преодолевать схематизм привычной жизни, подкрепляется пространственной удалённостью и труднодоступностью меморативного ландшафта (отсутствие налаженных транспортных маршрутов), его мифологическим ореолом и, одновременно, легитимной исторической ценностью (государственный музей-заповедник, природоохранная зона), возможностями уединения на фоне природы (обеспечиваемое протяжённостью ландшафта) при потенциальной доступности участия в коллективных ритуалах (практикуемые групповые медитации на вершинах гор) и событийных праздничных мероприятиях (как инициированных музеем-заповедником; так и стихийно объединяющих последователей, например – праздник Солнцестояния, собирающий несколько тысяч участников одновременно).

Таким образом, обозначенная в заглавии статьи двойственность ролевого самоопределения туриста меморативного ландшафта – "новый паломник" или "уставший урбанист" – не обязательно воплощается в однозначности выбора той или иной позиции, но репрезентирует "диффузную идентичность" [19, с. 177], переплетающую ценностные стандарты и идентификационные сценарии в ситуативности момента, отражающего непредсказуемый и изменчивый характер современной культуры.

Литература / Reference

- Акалелова Т. А. Антропологические характеристики урбанистической культуры. *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. 2014. № 6–1 (44). С. 13–15.
Akalelova T. A. Anthropological Characteristics of Urban Culture. *Historical, Philosophical, Political and Legal Sciences, Cultural Studies and Art History. Issues of Theory and Practice*. 2014. No. 6–1 (44). P. 13–15. (In Russ.)
- Артамонова Т. А. К вопросу о паломническом туризме (на примере Алтая и Гималаев). *Культура в евразийском пространстве: традиции и новации*. 2018. № 1 (2). 77–80.
<https://doi.org/10.32340/2541-772X-2018-1-77-80>.
Artamonova T. A. On the Issue of Pilgrimage Tourism (A Case Study of Altai and the Himalayas). *Culture in the Eurasian Space: Traditions and Innovations*. 2018. No. 1 (2). P. 77–80. (In Russ.)
<https://doi.org/10.32340/2541-772X-2018-1-77-80>.
- Астафьева О. Н., Кузьмина Н. В. "Интересное" в эстетическом ландшафте города. *Обсерватория культуры*. 2018. Т. 15. № 6. С. 693–707.
<https://doi.org/10.25281/2072-3156-2018-15-6-693-707>
Astafyeva O. N., Kuzmina N. V. The "Interesting" in the Aesthetic Landscape of the City. *Observatory of Culture*. 2018. Vol. 15, No. 6. P. 693–707. (In Russ.)
<https://doi.org/10.25281/2072-3156-2018-15-6-693-707>.
- Бауман З. *Текущая современность* / пер. с англ. С. А. Комарова. Санкт-Петербург: Питер. 2008. 238 с.
Bauman Z. *Liquid Modernity*. Translated from English by S. A. Komarov. Saint Petersburg: Piter, 2008. 238 p. (In Russ.)
- Вандышев М. Н., Веселкова Н. В., Прямикова Е. В. Меморативный ландшафт: концепция и опыт применения. *Социология власти*. 2022. Т. 34, № 1. С. 69–94.
<https://doi.org/10.22394/2074-0492-2022-1-69-94>.
Vandyshchev M. N., Veselkova N. V., Pryamikova E. V. Commemorative Landscape: Concept and Application Experience. *Sociology of Power*. 2022. Vol. 34, No. 1. P. 69–94. (In Russ.)
<https://doi.org/10.22394/2074-0492-2022-1-69-94>.
- Ваторопин А. С., Костина Н. Б., Подергина Е. Е. Трансформация феномена паломничества в современном обществе. *Дискуссия*. 2017. № 7(81). С. 54–62.
Vatoropin A. S., Kostina N. B., Podergina E. E. Transformation of the Phenomenon of Pilgrimage in Contemporary Society. *Discussion*. 2017. No. 7 (81). P. 54–62. (In Russ.)
- Волконский Э. Э., Морозов М. А. Классификация туристских дестинаций с точки зрения креативности. *Modern Economy Success*. 2024. № 6. С. 102–108.
Volkonsky E. E., Morozov M. A. Classification of Tourist Destinations from the Perspective of Creativity. *Modern Economy Success*. 2024. No. 6. P. 102–108. (In Russ.)
- Загидуллина М. В. Как измерить популярность Аркаима? Голоса встроенных метрик в контексте теории панмедиатизации. *Горизонты цивилизации*. 2017. № 8. С. 38–67.
Zagidullina M. V. How to Measure the Popularity of Arkaim? Voices of Embedded Metrics in the Context of the Theory of Panmediatization. *Horizons of Civilization*. 2017. No. 8. P. 38–67. (In Russ.)

9. Загидуллина М. В. Освоение меморативного ландшафта как коммуникативная практика (на примере историко-археологического музея "Аркаим"). *Знак: проблемное поле медиаобразования*. 2024. № 1(51). С. 88–96.
Zagidullina M. V. Development of the Commemorative Landscape as a Communicative Practice (A Case Study of the Historical and Archaeological Museum "Arkaim"). *Sign: Problem Field of Media Education*. 2024. No. 1 (51). P. 88–96. (In Russ.)
10. Загидуллина М. В. "Оспариваемые территории": о падении национальной прецедентной базы. *Филологический класс*. 2024. Т. 29. № 4. С. 48–56.
Zagidullina M. V. "Contested Territories": On the Decline of the National Precedent Base. *Philological Class*. 2024. Vol. 29. No. 4. P. 48–56. (In Russ.)
11. Иващенко Я. С. Социально-культурный портрет российского неоязычника: дискурсивно-семантический анализ. *Личность. Культура. Общество*. 2022. Т. 24. № 3–4. С. 217–228
https://doi.org/10.30936/1606_951X_2022_24_3_4_217_228
Ivashchenko Ya. S. Socio-Cultural Portrait of the Russian Neopagan: A Discursive-Semantic Analysis. *Personality. Culture. Society*. 2022. Vol. 24. No. 3–4. P. 217–228. (In Russ.)
https://doi.org/10.30936/1606_951X_2022_24_3_4_217_228
12. Каганский В. Л. Ареальная парадигма пространственной идентичности: основания, пределы, выход за пределы. *Вестник Пермского научного центра УрО РАН*. 2014. № 5. С. 10–19.
Kagansky V. L. Areal Paradigm of Spatial Identity: Foundations, Limits, and Transcendence. *Bulletin of the Perm Scientific Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences*. 2014. No. 5. P. 10–19. (In Russ.)
13. Каганский В. Л. Культурный ландшафт: основные концепции в российской географии. *Обсерватория культуры: журнал-обозрение*. 2009. № 1. С. 62–70.
Kagansky V. L. Cultural Landscape: Main Concepts in Russian Geography. *Observatory of Culture: Review Journal*. 2009. No. 1. P. 62–70. (In Russ.)
14. Каганский В. Л., Лютикова Г. В. Глубинный туризм: понятие и явление. *География и туризм*. 2023. № 1 (11). С. 12–15.
Kagansky V. L., Lyutikova G. V. Deep Tourism: Concept and Phenomenon. *Geography and Tourism*. 2023. No. 1 (11). P. 12–15. (In Russ.)
15. Королев К. М. Репрезентации народного и религиозного в современной массовой культуре (на примере музыкального проекта "Нейромонах Феофан"). *Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология*. 2024. № 4. С. 112–136.
<https://doi.org/10.28995/2686-7249-2024-4-112-136>
Korolev K. M. Representations of the Folk and the Religious in Contemporary Mass Culture (A Case Study of the Musical Project "Neuromonakh Feofan"). *RSUH/RGGU Bulletin. Series: Literary Studies. Linguistics. Cultural Studies*. 2024. No. 4. P. 112–136. (In Russ.)
<https://doi.org/10.28995/2686-7249-2024-4-112-136>
16. Крылов А. Н. Религиозная идентичность: индивидуальное и коллективное самосознание в постиндустриальном пространстве. 3-е издание, дополненное и переработанное. М.: ИКАР. 2014. 356 с.
Krylov A. N. Religious Identity: Individual and Collective Self-Consciousness in the Post-Industrial Space. 3rd ed., revised and expanded. Moscow: IKAR, 2014. 356 p. (In Russ.)
17. Кутявин Н. А. Постнеоязычество: о двух направлениях мировоззренческой эволюции бывших неоязычников. *Вестник антропологии*. 2023. № 1. С. 234–245.
Kutyavin N. A. Post-Neopaganism: On Two Directions of the Worldview Evolution of Former Neopagans. *Bulletin of Anthropology*. 2023. No. 1. P. 234–245. (In Russ.)
18. Нора П. Проблематика мест памяти // Франция-память. Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского университета. 1999. С. 17–50.
Nora P. The Problematic of Sites of Memory // *France-Memory*. Saint Petersburg: Saint Petersburg University Press, 1999. P. 17–50. (In Russ.)
19. Силантьева М. В. Диффузная идентичность – современная версия гражданской идентичности. *Вестник МГИМО*. 2012. № 2 (23). С. 173–179.
Silantieva M. V. Diffuse Identity as a Contemporary Version of Civic Identity. *MGIMO Review of International Relations*. 2012. No. 2 (23). P. 173–179. (In Russ.)
20. Синецкий С. Б. Перспективные векторы трансформации культуры мегаполисов: актуальные ориентиры культурной политики для крупных городов. *Вестник культуры и искусств*. 2024. № 3 (79). С. 95–103.
Sinetsky S. B. Prospective Vectors of Cultural Transformation in Megacities: Current Guidelines for Cultural Policy in Large Cities. *Bulletin of Culture and Arts*. 2024. No. 3 (79). P. 95–103. (In Russ.)
21. Созина Е. К. Феномен Аркаима в мифологическом поле современной культуры. *Лабиринт: журнал социально-гуманитарных исследований*. 2015. № 1. С. 80–90.
Sozina E. K. The Phenomenon of Arkaim in the Mythological Field of Contemporary Culture. *Labyrinth: Journal of Social and Humanitarian Research*. 2015. No. 1. P. 80–90. (In Russ.)
22. Соковиков С. С., Каминская Е. А. Спонтанная иеротопия в современном мифотворчестве: случай Аркаима. *Обсерватория культуры*. 2023. Т. 20. № 6. С. 658–668.
<https://doi.org/10.25281/2072-3156-2023-20-6-658-668>

- Sokovikov S. S., Kaminskaya E. A. Spontaneous Hierotopy in Contemporary Myth-Making: The Case of Arkaim. *Observatory of Culture*. 2023. Vol. 20. No. 6. P. 658–668. (In Russ.)
<https://doi.org/10.25281/2072-3156-2023-20-6-658-668>
23. Сушинская М. Д. Развитие модели туризма впечатлений в культурном туризме. *Известия Санкт-Петербургского университета экономики и финансов*. 2012. № 2 (74). С. 99–103.
 Sushchinskaya M. D. Development of the Experience Tourism Model in Cultural Tourism. *Proceedings of Saint Petersburg University of Economics and Finance*. 2012. No. 2 (74). P. 99–103. (In Russ.)
 24. Федотова Н. Г. Urban imaginary: визуальные маркеры городского воображаемого. *Праксема. Проблемы визуальной семиотики*. 2020. № 1 (23). С. 121–139.
<https://doi.org/10.23951/2312-7899-2020-1-121-139>
 Fedotova N. G. Urban Imaginary: Visual Markers of the Urban Imaginary. *Praxema. Journal of Visual Semiotics*. 2020. No. 1 (23). P. 121–139. (In Russ.)
<https://doi.org/10.23951/2312-7899-2020-1-121-139>
 25. Фуко М. Другие пространства // Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью / Пер. с франц. С. Ч. Офертаса под общей ред. В. П. Визгина и Б. М. Скуратова. М.: Праксис. 2002. 384 с.
 Foucault M. Of Other Spaces // *Intellectuals and Power: Selected Political Articles, Speeches and Interviews*. Translated from French by S. Ch. Ofertas; edited by V. P. Vizgin and B. M. Skuratov. Moscow: Praxis, 2002. 384 p. (In Russ.)
 26. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти / Пер. с фр. и вступ. статья С. Н. Зенкина. М.: Новое издательство. 2007. 348 с.
 Halbwachs M. On Collective Memory. Translated from French with an introductory article by S. N. Zenkin. Moscow: Nvoe Izdatelstvo, 2007. 348 p. (In Russ.)
 27. Хобсбаум Э. Изобретение традиций. *Вестник Евразии*. 2000. № 1. С. 47–62.
 Hobsbawm E. The Invention of Tradition. *Acta Eurasica (Vestnik Evrazii)*. 2000. No. 1. P. 47–62. (In Russ.)
 28. Шукулова Е. А. Туристический маркетинг территорий: вызовы нового времени и приоритеты развития. *Региональная экономика и управление: электронный научный журнал*. 2023. № 2 (74). С. 8–12.
 Shkulova E. A. Territorial Tourism Marketing: Challenges of the New Era and Development Priorities. *Regional Economics and Management: Electronic Scientific Journal*. 2023. No. 2 (74). P. 8–12. (In Russ.)
 29. Шнирельман В. А. Аркаим и Стоунхендж между прошлым и будущим. *Этнографическое обозрение*. 2014. № 5. С. 19–40.
 Shnirelman V. A. Arkaim and Stonehenge between the Past and the Future. *Ethnographic Review*. 2014. No. 5. P. 19–40. (In Russ.)
 30. Шнирельман В. А. Места силы: конструирование сакрального пространства. Введение к дискуссии. *Этнографическое обозрение*. 2014. № 5. С. 3–9.
 Shnirelman V. A. Places of Power: Constructing Sacred Space. Introduction to the Discussion. *Ethnographic Review*. 2014. No. 5. P. 3–9. (In Russ.)
 31. Элиаде М. Священное и мирское / Пер. с фр. Н. К. Горбовского. М.: Изд-во МГУ. 1994. 144 с.
 Eliade M. *The Sacred and the Profane*. Translated from French by N. K. Gorbovsky. Moscow: Moscow State University Press, 1994. 144 p. (In Russ.)

Информация об авторе

Людмила Борисовна Зубанова, д-р культурологии, профессор кафедры теории медиа Челябинского государственного университета, Челябинск, Россия, e-mail: milazubanova@gmail.com

Information about the author

Ludmila B. Zubanova, Doctor of Cultural Studies, Professor, Department of Media Theory, Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia, e-mail: milazubanova@gmail.com

Поступила в редакцию 14.11.2024

Одобрена после рецензирования 07.02.2026

Принята к публикации 26.02.2026

Received 14.11.2024

Approved 07.02.2026

Accepted 26.02.2026